дамский детектив

Галина

[РОМАНОВА]

НЕПЛОХО
ДЛЯ ПОКОЙНИКА!

Детективная мелодрама

Галина Романова

Неплохо для покойника!

«Эксмо»
2001

Романова Г. В.

Неплохо для покойника! / Г. В. Романова — «Эксмо», 2001 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-22273-5

У судьи Анны Грачевой погибает муж – машина взлетела на воздух. Единственного подозреваемого она вынуждена освободить, ведь улик против него нет. Неужели союзником судьи станет местный авторитет Хлыст, младший брат которого погиб при таких же обстоятельствах? Хлыст убежден, что в гибели обоих виновен один и тот же человек. Но может ли защитница закона объединиться с преступником – даже если закон перестал защищать ее саму? Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-22273-5

© Романова Г. В., 2001
© Эксмо, 2001

Содержание

ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 16
ГЛАВА 3 25
ГЛАВА 4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Галина Романова
Неплохо для покойника!

Я внимательно наблюдала за ублюдком, сидящим на скамье подсудимых, и желание задушить его собственными руками с каждой минутой становилось все сильнее.

– Вы по-прежнему отрицаете свою причастность к происшедшему? – прозвучал мой голос под сводами зала заседаний.

– Абсолютно, – мотнул головой подсудимый. – В тот момент, когда этот парень горел в своем автомобиле, я был дома… Я спал…

– Понятно… Кто может это подтвердить? – как можно спокойнее спросила я, прикрыв горящие ненавистью глаза. – Как видно из материалов следствия, подтвердить ваше алиби никто не может…

– Я спал! – упрямо повторил он. – А когда люди спят, то в свидетели редко кого приглашают.

«Сволочь! – едва не заскрипела я зубами. – Он же издевается надо мной!»

Понимая, что если произнесу хоть одно лишнее слово, то выдам себя с головой, поэтому несколько минут я молчала, напряженно размышляя, потом поднялась и произнесла сакраментальную фразу:

– Суд удаляется на совещание.

А спустя два часа после изнурительных метаний по тесному кабинетику данной мне государством властью я освободила эту сволочь из-под стражи прямо в зале суда.

Гул возмущенных голосов, поднявшийся после вынесения приговора, заставил мои уши и щеки покрыться краской стыда, но повернуть время вспять уже было невозможно.

Я его освободила!..

ГЛАВА 1

Трещина на потолке, казалось, разрасталась.

Битых сорок восемь часов я лежала на широченной кровати в нашей с Тимуром спальне и пялилась на треснувший потолок.

Сколько сил вложили мы в эту старенькую квартирку, чтобы придать ей жилой вид! С каким удовольствием мы вместе выбирали обои в местном магазинчике, дурачась и хвастаясь друг перед другом своим умением наклеивать их на стены! И как потом хохотали, проснувшись утром и обнаружив плоды трудов своих отвалившимися от стен и свернувшимися серпантином у наших ног.

– Все, малыш! Хватит! – шевельнул тогда усами Тимур. – Это не наша с тобой стезя. Пусть этим делом занимаются специалисты.

– А что будем делать мы? – выдохнула я, с обожанием таращась на мужа.

– А мы… – он нежно поцеловал меня в висок. – А мы уедем на край света!..

Краем света оказалась крохотная охотничья сторожка в глухой тайге, где любил проводить школьные каникулы мой муж.

Вековые кедры, спустившись по склонам крутого оврага, обступили ее со всех сторон, надежно спрятав под своими кронами. Маленькая речушка, берущая начало из-под огромного валуна на самом дне оврага, оглашала окрестности многоголосым серебряным перезвоном. И этот звук был, наверное, единственным, нарушающим тишину и безмолвие этого сурового на первый взгляд края.

Мне полюбилось это место, едва я его увидела. Стоя на ступеньках крыльца маленькой уютной избушки, я могла без устали наблюдать, как просыпается солнце, возвещая о рождении нового дня.

– Чего тебе не спится? – выходил на крыльцо Тимур, сонно моргая глазами. – Рано еще!

– Тимочка! – едва не задыхалась я от восторга. – Ты посмотри! Это же просто чудо! Кромка леса загорается багряным, а затем тускнеет, тускнеет и вдруг зажигается золотом!..

– Малышка моя! – с нежностью выдыхал мой супруг. – Тебе бы стихи писать, а не заниматься судебными разбирательствами…

– Это тоже нужное дело, – возражала я, безропотно подчиняясь сильным рукам Тимура. – Кто-то должен заниматься и этим!

Наши безобидные препирательства обычно заканчивались, не успев достигнуть апогея.

Вообще, по правде сказать, за нашу с ним недолгую совместную жизнь, а она насчитывала ни много ни мало – два года, я не помню ни одной мало-мальски серьезной ссоры. Единственное, что отравляло мне существование, так это то, что он до сих пор не спешил оформлять наши с ним отношения.

– Это простая формальность, малыш! – смеялся он, щекоча мне усами шею. – Ни один штамп в паспорте не заставит меня полюбить или разлюбить кого-то… Ты моя жена перед богом, а остальное все неважно.

Со временем я свыклась с этим и иначе как супругом его не величала. Жизнь текла, стирая шероховатости в наших отношениях и наполняя великим счастьем обладания друг другом. А эти три недели, проведенные вдали от цивилизации, были, наверное, самыми счастливыми за все то время, что мы были вместе.

Просыпаясь ближе к полудню после испепеляющего любовного марафона, мы брели к ручью, набирали воды и там же готовили нехитрую трапезу. Тимур мог при этом, вооружившись удочкой, напевать во все горло какие-то песни на странном непонятном языке.

– Ты всю рыбу распугаешь! – хохотала я, склонившись к котелку с супом.

– Так пугать-то некого! – делал он дурашливую физиономию. – Ее тут и нет!

Как ни странно, но рыба ловилась. Мы ее варили, жарили, даже ухитрились засолить на таранку. Но есть ее нам не пришлось, она так и осталась подвешенной к потолку на длинном капроновом шнуре.

* * *

– Анька! – раздалось под самыми моими окнами. – Ты дома?

Так могла орать, распугивая всех дворовых кошек и кур, только моя подруга Тонька. Ей плевать было на то, что сейчас половина седьмого утра и многие люди в этот час могут еще спать. Ей нужна была я, а все остальное было неважно!

– Анька! – уже более требовательно заголосила Антонина. – Выгляни наконец!

Отвлекшись от трещины в потолке, созерцанием которой я занималась вторые сутки подряд, я поднялась с кровати и, с трудом переставляя ноги, выглянула с балкона.

– Чего орешь? – недобро уставилась я на подругу. – Времени знаешь сколько?

– Ты дома… – пропустив мимо ушей мои слова, констатировала Антонина и величаво прошествовала к подъезду.

Удивительное сочетание противоречий объединяла в себе эта женщина. Со статью и походкой герцогини, никак не меньше, она могла скандалить и голосить, словно простая базарная баба. Осанка ее при этом оставалась такой же, поэтому желание склониться перед нею в реверансе не исчезало в продолжение всей непечатной тирады. Вот и сейчас, едва она переступила порог моей квартирки, как принялась нецензурно ласкать меня, царственно вышагивая по маленькой гостиной.

– Капуста чертова! – клокотала она от праведного гнева. – Ты посмотри, в кого ты превратилась?

– В кого? – тупо переспросила я, положив всклокоченную голову на спинку дивана.

– В кого? – передразнила Тонька и грациозно опустилась рядом со мной, накрыв меня облаком дорогих духов. – Ты жить дальше собираешься или нет?

– Зачем? – не меняя интонации, спросила я. – Для чего?

– Анька! – угрожающе произнесла подруга. – Если ты не прекратишь себя казнить, то я…

– Что ты?!

– Я не знаю, что с тобой сделаю!

И тут случилось удивительное – она заплакала!

Привыкнув к тому, что Тонька является образцом хладнокровия, невозмутимости и еще бог знает каких достоинств, определяющих ее уравновешенный характер, я растерялась.

– Тонь, ты чего? – ошалело захлопала я ресницами.

– Ничего, – хлюпнула та носом и вытащила из сумочки кружевной носовой платочек. – А как бы ты, интересно, прореагировала, наблюдая за агонией своей самой любимой подруги?..

Тут и в моем носу защекотало, и мне ничего не оставалось делать, как уткнуться в ее плечо и зареветь. Я всхлипывала и причитала, не замечая, как похлопывает меня по спине Антонина, время от времени вставляя короткие фразы. Одна из них меня насторожила, и я, отстранившись, с недоумением переспросила:

– Что она сказала?

– Ничего путного, – попыталась уйти от ответа Тонька, но я была настойчива, и ей пришлось пуститься в объяснения. – Я проходила под ее окнами. Голову подняла, а она едва из окна не свешивается. «Шалава!» – орет. Я ее спрашиваю: «Кто?» Ну а она и давай верещать на всю округу. Что, ты ее не знаешь?

– Вот дура баба, – совершенно искренне изумилась я. – Сколько же времени прошло, а ей все угомону нет.

– Да, – с пониманием качнула подруга головой. – Люська еще тот экземпляр! Как я тебе говорила, привлеки ее к ответственности! Так ты – нет… Сами разберемся… Разобрались?

Следует пояснить, что Люська была бывшей тещей моего Тимура. С женой тот расстался просто и без долгих объяснений, а вот теща… Обвинив его, меня и еще бог знает кого в развале семьи, она начала с того, что принялась меня преследовать. Стараясь не обращать внимания на ее злобные выпады, я в глубине души лелеяла надежду, что рано или поздно ей это надоест. Но, как показало время, она была неутомима.

– Что ты намерена делать? – прервала мои размышления Антонина.

– В каком плане?

– Во всех направлениях, дорогуша! Перво-наперво надо этой стерве рот закрыть, а второе…

– Что? – сразу насторожилась я.

– Тебе необходимо уехать…

– Тонь, ты в своем уме? – вытаращилась я. – Не могу сейчас уехать!

– Именно сейчас ты и должна уехать! – невозмутимо заявила она и поднялась со своего места. – После всего, что произошло, другого выхода у тебя просто нет!

Она принялась величественно гарцевать по комнате, обрушивая на мою голову тысячу разных причин, по которым я не должна оставаться в городе. Она была так красноречива и неутомима в своих рассуждениях, что к концу ее речи я была готова на любое путешествие, лишь бы она замолчала.

– Куда я, по-твоему, должна уехать? – потерла я заломившие виски. – Где меня кто ждет?

– Езжай туда, где вы отдыхали с Тимуром, – обрадованно затараторила Тонька, увидев, что я сдаюсь. – Сама говорила, что место это никому не известно, туда зверь редко забегает, не то что человек…

– Ты считаешь это самым лучшим местом для реабилитации моей души? – скептически скривила я губы. – Ничего интереснее не придумала?

Подруга сделала глубокомысленное лицо и, остановившись против того места, где я сидела, принялась меня воспитывать. Она говорила долго и пространно. Многое из ее речи мне было непонятно, единственное, что я уловила, так это то, что начать возрождаться я должна была именно в том самом месте, где когда-то была несказанно счастлива.

– Это будет больно, – прошептала я, уставив на Тоньку немигающий взор.

– Знаю, – решительно тряхнула она головой. – Но байку про хирурга и его методы ты знаешь, так что давай собирайся, а я поеду с тобой.

Вопреки ожидаемому, сборы заняли чуть больше времени. Антонина, развившая за неделю бурную деятельность, успела многое. Но даже ей было не под силу убедить Семена Алексеевича, председателя суда Левобережного района, дать мне расчет. Он был неумолим.

– Пусть берет отпуск без содержания, – как всегда, тихим голосом ответил он, разом отметая все Тонькины аргументы. – К тому же, Антонина Ивановна, я думаю, что мне лучше поговорить с глазу на глаз с ней самой.

Этого я боялась больше всего. С тех самых пор, как был выпущен на свободу Алейников, по иронии судьбы носивший то же имя, что и мой муж, я больше не показывалась на работе.

Сначала я взяла больничный у невропатолога, затем у терапевта, потом следом отправилась к окулисту. Продлевая больничные листы сколько это было возможно, я была движима единственной целью – быть подальше от людей. Когда же врачи, пряча глаза, поочередно заявляли, что здоровью моему ничто не угрожает, я просто перестала ходить на работу. Ложилась на кровать, обнимала подушку и часами пялилась на трещину в потолке.

Причудливым зигзагом пробежав от двери к люстре, та резко сворачивала и, разделившись на две одинаковой длины извилины, змейкой устремлялась в разные стороны. В резуль-

тате такого замысловатого излома площадь потолка была поделена на три неравные части. Я считала это символичным, отождествляя этот раздел с моей поломанной жизнью.

Первую, самую большую часть, слабо освещаемую солнцем, я относила на жизненный участок пути до Тимура. Детство, отрочество, юность… Все было как у всех: родительский дом, институт, работа. Все это пролетело, как короткий миг, не успев оставить в памяти моей хоть какой-то значимой отметины.

Вторую, крохотную узкую полоску, все время находящуюся на свету, я представляла временем, когда была счастлива. А третья, постоянно пребывавшая в тени, должна была олицетворять мое будущее, потому что свет для меня померк именно в тот день и час, когда, вызвав меня к себе в кабинет, Семен Алексеевич сообщил мне о гибели моего мужа.

Я плохо помню, что произошло потом. Рваные клочья темноты замелькали перед остановившимися глазами. Рот в безмолвии открывался и закрывался, не в силах выдавить хоть что-нибудь. А сердце сжала жуткой силы тоска. Она давила непомерной тяжестью безвозвратной потери, заставляя отрешиться от всего, в чем раньше я находила радость. Я ходила, ела, пила, но это была уже не я, а моя высохшая от горя оболочка.

И тогда Антонина, единственный человек, с кем я тогда общалась, направила мои мысли и чувства в нужное русло, определив их одним коротким словом – месть!..

Жажда мщения с каждым днем становилась все острее. Я едва не на коленях умоляла Семена Алексеевича отдать мне это дело, ссылаясь на то, что наши с Тимуром отношения не были зарегистрированы официально. Когда же он скрепя сердце согласился, я принялась со всей скрупулезностью изучать материалы, вникая во все мелочи, которые следователю показались незначительными. День за днем я репетировала сцену судебного процесса, ликуя от предвкушения. Но на деле все оказалось не так…

Вопреки ожидаемому, глаза подсудимого Алейникова Тимура Альбертовича не полыхали страхом. Более того, в них плескались откровенная насмешка и, как мне казалось тогда, чувство превосходства.

Я сжимала зубы, чтобы не зарычать от ненависти, внимательно вслушивалась в показания свидетелей, но это ничего не изменило. И поступила так, как должна была поступить, – признала его невиновным.

– Хочешь, я отменю твое решение в силу мягкости приговора? – с жалостью вопрошал меня Семен Алексеевич. – Только скажи! Не надо было мне на это соглашаться! Сама же настояла, а теперь мучаешься!

– Все в порядке… Вы не хуже меня знаете, что следственных материалов оказалось недостаточно для того, чтобы упрятать его за решетку, – глухо обронила я тогда и подняла на председателя суда посеревшее от переживаний лицо. – Мне необходимо отдохнуть…

– Хорошо, – он согласно кивнул. – Отдыхай, сколько посчитаешь нужным, а затем… Затем я жду тебя в наших рядах.

Семен Алексеевич встал и, проводив меня до двери, тихо произнес напоследок:

– Надо жить, девочка моя! Надо жить!..

А вот с этим-то у меня как раз и возникли проблемы, потому как жить мне совершенно не хотелось. Последней надежде – увидеть своего заклятого врага поверженным – не суждено было сбыться, а вместе с ней пропало и желание существовать…

Когда же Антонина, охваченная жаждой деятельности в процессе моих сборов, швырнула мне в лицо мой твидовый костюм и громогласно объявила, что я просто обязана съездить на работу и переговорить со своим боссом, то я растерялась.

– Зачем мне это, если я решила увольняться? Не пойду… – залопотала я, подтянув колени к подбородку.

– Пойдешь! – убежденно заявила она и потащила меня в ванную. – Ты обязана это сделать, хотя бы из уважения к нему! Он очень сильно рисковал своим добрым именем, позволив тебе судить этого подонка. И нянчился с тобой все это время как с ребенком, а ты!..

– А что я? – едва не плача, вопрошала я, намыливая голову.

– Ведешь себя как неблагодарная свинья! – не церемонясь в выражениях, клеймила меня Тонька.

И она, как всегда, победила.

Спустя два часа я поднималась по лестнице, устланной вытертой ковровой дорожкой, прислушиваясь к отчаянному стуку своего сердца. Но вопреки предположениям, жалости в умных глазах Семена Алексеевича не обнаружила. Твердо, с прищуром посмотрев на меня, он слегка кивнул в знак приветствия и сделал мне знак присаживаться.

Я прошла к столу и, отодвинув тяжелый дубовый стул, уселась напротив председателя суда.

– Так, так, так, – пробормотал он, постукивая карандашиком по папке с документами. – Пришла, значит…

Я молча кивнула, но сочла за благо промолчать. Чувство вины перед этим седым человеком, который так много сделал для меня в моем горе, потихоньку начало глодать меня.

– И что скажешь? – сурово свел он брови, впиваясь в меня взглядом. – За расчетом пришла? Или, может… за жалостью?

– Не-ет, – почти прошептала я, внезапно оробев. – Я… не знаю.

– Не знаю!.. – он в раздражении швырнул карандаш об стол и откинулся на спинку кресла. – Послушайте, уважаемая Анна Михайловна, что я вам скажу!.. Расчета я вам не дам – смолоду не привык кадрами разбрасываться. Жалости от меня тоже больше не дождешься, надоело мне с тобой нянчиться. А по поводу твоих прогулов вот что скажу: отработаешь потом вдвойне! Поняла?

Я молча кивнула. Серьезность его тона не оставляла сомнений – мои выкрутасы ему порядком надоели. Как и подобает в данной ситуации, я понуро опустила плечи и лишь виновато время от времени кивала. Сказать, что мне было стыдно, значило бы ничего не сказать. Уши мои полыхали, норовя подпалить бумажного журавлика, которого подвесил на люстру внук Семена Алексеевича.

– А сейчас ты напишешь заявление на отпуск, – не меняя интонации, продолжал он между тем. – И через месяц примешь дело о хищениях на мукомольной фабрике. Все! Иди!..

Я встала, поправила юбку и, тихонько лопоча слова прощания, двинулась к выходу.

– Аннушка, – окликнул он меня, когда я уже была у самой двери. – Не слишком круто старик с тобой?

– Все нормально, Семен Алексеевич, – попыталась я улыбнуться. – Простите меня…

Он встал и, прихрамывая на левую ногу, пошел по направлению к выходу.

– Ты отдыхай, девочка… – взял он в руку мою ладонь и легонько сжал ее. – Время все лечит… И возвращайся такой, как была. Хорошо?

– Постараюсь, – с трудом проглотила я комок, вставший в горле.

– Идем, я тебя провожу.

Мы вышли с ним из кабинета и медленно двинулись по длинному коридору, изрезанному выемками дверей. Шеф взял меня под руку и тихонько, почти ласково, начал наставлять на путь истинный. Не скажу, что слова его достигали своей цели, но мне отчего-то стало полегче дышать. Был ли то причиной его мягкий голос, уговаривающий меня с легкой долей укоризны, или лица сотрудников, приветливо улыбающиеся мне, но из здания суда я вышла почти спокойной.

– Встреча с шефом пошла тебе на пользу, – удовлетворенно кивнула Антонина, перекидывая через мое плечо ремень безопасности. – Пристегнись, а то опять на штраф нарвемся.

– Куда сейчас? – оборвала я ее брюзжание. – Поесть бы чего-нибудь…

– А вот это совсем хорошо! – Подруга завела машину, и вскоре мы уже выезжали на проспект. – Отвезу тебя сейчас в одно местечко… Ты там ни разу не была… Жрачка отменная, ну и обслуживание на уровне.

Все было именно так, как пообещала Антонина. Заяц на вертеле был просто изумительным, а официантки, словно Белоснежки, порхали между столиками, едва возникала в них необходимость.

Поставив локти на стол, я положила подбородок на сцепленные пальцы и с благодарностью взглянула на подругу.

– Хорошая ты баба, Тонька, – выдохнула я какое-то время спустя.

– Еще бы! – самодовольно заявила та, доедая мороженое.

– Да, тебе бы еще скромности немного, – пустила я шпильку. – Цены бы тебе не было.

– А она мне ни к чему, – не обиделась Тонька. – Ну вот скажи, что я с ней стала бы делать? Добилась бы содержания от мерзавца мужа, который погнался за первыми встречными ногами, забыв о любезной сердцу супруге? Нет! Принимала бы я от него подарки в дни рождения, учитывая его вероломство? Нет! И уж, конечно же, не потребовала бы новую машину в годовщину нашей с ним свадьбы!

– Ну ты даешь! – качнула я головой. – Я бы так не смогла.

– Ты у нас другая, – согласилась подруга, доставая сигареты. – Вроде и не святоша, но идеалистка, каких свет не видывал.

– А это плохо?

– Не знаю… – она задумчиво уставилась на сизый дым, тонкой струйкой поднимающийся к потолку. – Не знаю… Но жить тебе тяжелее, это бесспорно. Тут ведь вот еще какое дело, Ань…

Она на мгновение умолкла и принялась тяжело вздыхать, покусывая нижнюю губу. Последнее меня насторожило. Зная изначальную природу этой ее привычки, я приготовилась к неприятностям. Моя интуиция не обманула меня, новостей было две: плохая и очень плохая.

Усердно избегая смотреть мне в глаза, перво-наперво Тонька выпалила, что поехать со мной не сможет.

– Ты с ума сошла?! – опешила я от неожиданности. – Посмотри на меня! Ты убеждала меня, торопила с отъездом, а теперь заявляешь, что у тебя дела?!

– Прости, – пробормотала она и уставилась на меня глазами побитой собаки. – Я все равно не смогла бы с тобой надолго уехать. Так, на недельку, не больше. У меня скоро сдача объекта. А тебе нужно как следует отдохнуть. Но я провожу тебя на вокзал, я даже билет тебе уже купила!

– Спасибо! – фыркнула я раздраженно и взялась за сумочку.

– Ань, ну подожди! – со слезой в голосе взмолилась Тонька. – Ты просто еще ничего не знаешь!

– Что-то уж больно плаксивой ты стала в последнее время, – с подозрением уставилась я на нее. – А ну давай, выкладывай! Опять благоверного своего решила простить?

Тонька обреченно качнула головой и полезла за новой сигаретой.

– Ты конченая дура! – вынесла я свой вердикт. – Это который раз? В прошлый раз он променял тебя на сиськи! В позапрошлый – на ноги от ушей! Что будет следующим этапом? Тонь, сколько можно?!

– Я его люблю… – сдавленно прошептала она и заревела.

Ну это уже перебор! Тяжело вздохнув, я вытащила из сумочки бумажный носовой платок и протянула ей со словами:

– Перестань кукситься, я поеду одна.

– Правда? – Тонька подняла на меня зареванные глаза и попыталась улыбнуться. – Анюта, милая, как я тебя…

– Ой, да ну ладно уже, – я недовольно сморщилась. – Просто я решила на время уехать для того, чтобы там, вдали, все взвесить и сопоставить.

– Переоценка ценностей, – с пониманием кивнула подруга. – А не страшно в лесу одной ночью?

– Тимур погиб средь бела дня в самом центре города с населением в двести пятьдесят тысяч. Кругом было полно народу, и никто, повторяю, никто не кинулся ему на помощь. Все стояли и смотрели, как догорают обломки его машины.

Удивительно, но, произнося все это, я оставалась спокойной! Голос мой не дрогнул, сердце по привычке не сжалось от тоски. Я озадаченно свела брови и попыталась затронуть чувственные струны собственной души, но, вопреки обыкновению, они почему-то молчали. Это могло означать одно из двух: либо я наконец смирилась со своей утратой, либо я очерствела настолько, что произношу имя моего покойного мужа без внутреннего содрогания.

Видно, Антонина тоже что-то почувствовала, потому как прекратила свое бесполезное занятие – лить слезу – и с подозрительным прищуром уставилась на меня.

– Ань, ты в порядке? – не выдержала она и пятиминутной паузы.

– Абсолютно, – бесстрастно прозвучал мой ответ. – Более того, я настолько в порядке, что готова выслушать твою «очень плохую новость». Ее, я полагаю, ты приберегла напоследок?

Антонина отчаянно заерзала под моим пристальным взглядом и принялась выскребать почти чистую салатницу. Признаться, взгляд мой выдержать было трудновато. Как любили шутить коллеги, под взглядом моих иссиня-черных глаз даже ни в чем не виноватый человек мог сознаться в любых злодеяниях. Подруге о рентгеноскопических его свойствах было доподлинно известно, поэтому она сейчас и не поднимала головы.

– Оставь в покое салатницу, – потребовала я. – Ничего не изменится, когда ты сообщишь мне это – через пять, десять, двадцать минут или сейчас. Давай, выкладывай!

– Тебе Семен Алексеевич ничего не говорил, когда ты была у него? – начала она осторожно.

– Нет. О чем?

– Даже не знаю, говорить тебе или нет. Ты вроде немного начала успокаиваться, а тут вдруг опять…

– Хм, – уголки моих губ приподнялись в скептической ухмылке. – Подобное вступление, по-твоему, должно меня успокоить? Давай же, выкладывай, не тяни!

– Ты знаешь, что на прошлой неделе произошла трагедия на окраине города? Хотя откуда тебе знать? Ты же все это время в постели валялась и потолок разглядывала, – вернула мне подруга мою саркастическую усмешку. – Так вот, в четверг вечером была взорвана машина одного предпринимателя. Характер преступления и взрывное устройство, заложенное в машине, идентичны…

– Поняла, – прервала я ее на полуслове. – Все то же самое, как и в случае с Тимуром… Но ведь не это главное?

– Да, – кивнула Антонина, вновь обретая величественную осанку. – Это была машина Алейникова Тимура Альбертовича…

– Ну и что? – как можно равнодушнее спросила я. – Ты ждала, что эта новость повергнет меня в шок? Напрасно! Я даже рада, что его дружки решили поквитаться с ним его же оружием… Ну и как он? Надеюсь, издох?

– Да нет, – кисло улыбнулась Антонина, вглядываясь во что-то за моей спиной. – Он жив и, по-моему, вполне здоров.

Заинтригованная многозначительностью ее последней фразы, я обернулась и едва не вскрикнула от неожиданности. За соседним столиком, который располагался чуть в стороне от нашего, сидел только что упомянутый Алейников в компании двух бритоголовых парней.

– Какая неожиданная встреча, – едва не зарычала я от бешенства. – Ты наверняка видела его тут и раньше?

– Нет, что ты! – испуганно вытаращилась на меня Тонька. – Впервые вижу его здесь, уверяю тебя! Во всяком случае, за два года, что бываю в этом заведении, ни разу его не заметила.

– Понятно…

Я все еще сидела вполоборота к соседнему столику, когда Алейников соизволил поднять глаза от меню. Улыбке, тронувшей его тонкие губы, могла позавидовать и Джоконда. Что выражала эта самая улыбка и загадочное мерцание глаз из-под полуопущенных век, так и осталось загадкой. Едва не скрипнув зубами, я резко развернулась и схватила со стола не тронутый доселе бокал с вином.

Следуя моему примеру, Антонина тоже подняла свой, где плескалось безалкогольное пиво, и осторожно высунулась из-за моего плеча.

– Анька, – зашептала она. – Смотрит на тебя, глаз не спускает! И улыбается, мерзко так, ехидно…

– Ты прекрасно знаешь, что смеется тот, кто смеется последним, – парировала я, восстанавливая утраченное душевное равновесие. – Ему удалось избежать правосудия…

На этом месте Антонина многозначительно кашлянула, а я густо покраснела, вспомнив, что в роли Фемиды в данном конкретном случае выступала сама.

– Ему удалось не взорваться вместе со своим автомобилем, – упрямо продолжала я, отстукивая дробь ноготками по белоснежной скатерти. – Но за все в этой жизни приходится платить. И, я уверена, он заплатит очень дорогую цену…

– Анька! – зашептала подруга, внезапно побледнев. – Он идет сюда!

И не успела я слова молвить, как стул по правую мою руку был отставлен в сторону и предмет нашего разговора без приглашения уселся за столик. От такой неожиданной наглости мы разом опешили, в недоумении уставясь друг на друга.

– Добрый день, милые дамы, – совершенно спокойно поприветствовал нас пришелец. – Скучаем?

– Отнюдь! – обрела, наконец, Тонька дар речи. – Мы вас разве звали?

– Нет, но я решил так вот запросто, без приглашения, – осклабился он в подобии улыбки. – Вы не против?

– С этого и надо было начинать! – едва не зазвенел от напряжения мой голос. – Мы против! И даже очень! Соблаговолите нас оставить!

– А если не соблаговолю? Что будет? – явно наслаждался он ситуацией. – Вы меня арестуете? Ай-ай-ай! Что мне делать? Как я посмел?

– Слушай, ты! – Резко развернувшись в его сторону так, что хрупкий стул подо мной жалобно заскрипел, я схватила Алейникова за лацкан белоснежного пиджака и с ненавистью в голосе прошипела: – Я ненавижу тебя! Ненавижу настолько, что желала бы твоей смерти! То, что ты имел наглость сесть к нам за столик, лишний раз доказывает, что ты ничтожество и мразь!

И тут я сделала то, что мне давно хотелось. Хотелось с тех самых пор, как я переступила порог зала заседаний, – я плюнула ему в лицо.

Тонька тихонько ахнула и закрыла рот рукой. Краем глаза я заметила, как сорвались со своих мест два бритоголовых парня и ринулись к нашему столику.

– Все нормально, – небрежно махнул в их сторону Алейников и полез во внутренний карман пиджака за платком. – Пока все нормально. Может быть, вы отпустите мой пиджак, леди?

С трудом поняв, что вопрос задан мне, я отцепила пальцы и, чтобы хоть как-то унять дрожь в них, схватила со стола салфетку.

– Только что в присутствии свидетелей вы нанесли мне публичное оскорбление, – пробормотал этот наглец, аккуратно вытирая лицо. – И не мне вам объяснять, чем это грозит.

– Вы меня спровоцировали, – клокочущим от гнева голосом выдавила я из себя. – Идите к черту! Дайте нам спокойно пообедать!..

Совершенно не обращая внимания на мои слова, он сложил платок вчетверо, убрал его в карман и продолжил:

– Женщина с таким темпераментом и такой жаждой мщения способна на многое.

– Что вы хотите этим сказать? – подала голос Антонина, незаметно делая знак официантке.

– Я просто хотел предупредить! – Алейников встал и, склонившись ко мне, тихо выдохнул: – Если еще раз надумаете взорвать мой автомобиль, выберите время, когда рядом никого нет. Двое детишек, гулявших неподалеку, получили серьезные травмы…

– Ах ты!.. Да… ты знаешь, кто ты?!

– Я бизнесмен, – он хмуро ухмыльнулся и слегка потрепал меня за подбородок. – Я бизнесмен, а не убийца!..

Похоронив свой возмущенный возглас глубоко внутри, я сидела и ошалело моргала ему вслед. Он между тем поравнялся со своими охранниками, с напряжением следившими за развитием событий, и, сделав им знак, пошел к выходу.

– Сволочь! – едва не плача, пробормотала я. – Какая сволочь! Он считает, что покушение на него – дело моих рук?!

– Да ничего он не считает! Что ты, право, как ребенок. – Антонина заплатила по счету и, поднимаясь со своего места, скомандовала: – Идем отсюда, все равно настроение испорчено.

Старательно избегая темы недавнего инцидента, мы сели в машину и поехали на Центральный рынок. Потолкавшись среди прилавков, деятельная Тонька накупила массу тряпок, которые, по ее разумению, мне были просто необходимы в моем путешествии.

– Прекрати! Что ты запала на этот свитер? – досадливо морщилась я, когда она попыталась натянуть мне через голову мохнатый канадский джемпер. – Лето на дворе! Я же не на Северный полюс еду!

– Тайга, милочка, она и в Африке тайга, – безапелляционно заявила Тонька, доставая кошелек. – Будем считать это моим подарком.

– Или компенсацией за твое вероломство, – съехидничала я, запихивая свитер в большой пакет, к тому времени уже достаточно набитый, на мой взгляд, совершенно ненужными вещами.

Антонина не обиделась. Она притворно вздохнула и, завидев продавца парфюмерии, взяла курс в направлении его прилавка. Вышагивая на тонких шпильках походкой герцогини, она принялась мне втолковывать, будто я этого не знала, что гнус в тайге – штука страшная и что от него нужна защита.

Результатом нашего похода была дюжина булькающих пузырьков и стольких же тюбиков с различными гелями, аэрозолями, мазями против комаров, клещей и еще бог знает против какой живности. Разумеется, все это я оставила дома, засунув в самый дальний угол туалетной тумбочки в ванной комнате. С собой же взяла лишь жутко пахнущее, сработанное неизвестно каким мастером снадобье. Его купил в аптеке Тимур перед тем, как нам отправиться в путешествие. Я долго фыркала и морщила нос, называя эту смесь отравой. Но когда надоедливое комарье, сгустившись над нашими головами, разлеталось прочь, словно натолкнувшись на невидимую преграду, я мысленно говорила безвестному аптекарю огромное спасибо.

ГЛАВА 2

День отъезда выдался жарким и солнечным. Асфальт плавился под ногами, прожигая ступни ног даже через подошву кроссовок. Долго проторчав на остановке и не дождавшись нужного автобуса, я взвалила на плечи рюкзак, взяла в руку дорожную сумку и двинулась на стоянку такси. Вопреки предположениям, очереди не было. Как, впрочем, и такси. Машины проносились мимо, словно моя поднятая кверху рука ничего для них не значила.

– Это черт знает что такое! – окончательно теряя терпение, пробормотала я.

И только я помянула нечистого, как со стороны Красногвардейского переулка, отчаянно чихая и коптя, выехал старенький «Москвич» с горделиво обозначенной надписью: «Частное такси».

– Вам куда? – тормознул водитель у бордюра.

– Мне вообще-то на железнодорожный вокзал… – неуверенно начала я, завертев головой в поисках более подходящего транспорта.

– Садитесь.

– А успеем? – мой взгляд недоверчиво скользнул по обшарпанному кузову. – У меня времени в обрез.

– Не переживайте, – успокоил меня водитель, мужчина лет пятидесяти с изборожденным морщинами лицом. – Всю жизнь таксую, знаю свое дело, будьте уверены!

Выбора у меня не было, поэтому, уложив вещи в багажник и кинув взгляд на часы, я уселась на заднее сиденье и еще раз сказала:

– Железнодорожный…

– Понял, – кивнул дядька и рванул машину с места.

Именно рванул. Потому как старенькая колымага полетела стрелой, норовя развалиться на полном ходу.

– Хорошо бегает, – кивнула я на его вопросительный взгляд в зеркале заднего вида.

– А то! – расплылся он в горделивой улыбке. – Я же сказал – все будет нормально. Пусть тот парень крутой и ездит на шикарной тачке, а вот обойти меня не смог! Я интересно подрезал его, пока он зевал на светофоре, свернул в Суворовский и все! Поминай как звали…

– Какой парень? – неожиданно насторожилась я.

– Так на красном «Рено»! Вы что, его не заметили? Он же всю дорогу нас вел… – водитель такси прищелкнул языком. – Я сначала думал, что ему по пути, и поехал по Первомайской. А там дорогу перекопали, колдобины одни. Какой умный человек будет там машину гробить? А он за нами! Нет, думаю, дело не просто так! Вот и пришлось парня немного поучить…

Под ложечкой заныло от неприятного чувства, с точностью дать определение которому я не бралась. Это вовсе не было страхом. Скорее досадой. Досадой на то, что кому-то захотелось испортить день моего отъезда.

Этот кто-то нас опередил. Ярко-алый «Рено» стоял припаркованный на привокзальной площади, нагло глазея сияющими в солнечном свете фарами на входные двери. Парень, в тесно сидящих на нем джинсах, стоял, опершись о машину, и покручивал на пальце связку ключей.

– Вот и он, – занервничал водитель такси, принимая у меня деньги. – Обошел где-то все-таки, гад! Вы уж, Анна Михайловна, поосторожнее. Что-то не нравится мне этот типчик.

– Откуда вам известно мое имя? – удивленно глянула я на мужчину из-под темных стекол солнцезащитных очков.

– Так вы дочку мою с мужем-мерзавцем разводили. Он еще хотел сына у нее отобрать.

– А-а-а, Белоярцева! – вспомнила я душераздирающий судебный процесс. – Помню, помню.

– Благодарен вам очень, – тепло улыбнулся шофер. – По справедливости поступили. Всем бы такими судьями быть!..

«Да! – подумалось мне. – Эта самая справедливость, видимо, выходит мне сейчас боком!»

Я была почти уверена, что парень, лениво жующий жевательную резинку и время от времени надувающий огромные пузыри, не кто иной, как посланец Алейникова. Этого наглеца, возомнившего себя пупом земли!

Отпустив машину и подхватив вещи, я пошла к вокзальным дверям, все еще клокоча от гнева. Парень двинулся следом. Причем намерений своих он и не пытался скрывать. Более того, у меня сложилось впечатление, что он нарочно попадает в поле моего зрения с тем, чтобы окончательно лишить меня душевного равновесия. Я поймала взглядом огромное табло электронных часов и, удостоверившись, что до отхода поезда у меня еще минут сорок с небольшим, решительно двинулась к телефону-автомату.

Номера телефонов этого мерзавца, домашний и служебный, я запомнила наизусть. Несчетное количество раз перелистывая дело, я изучила его до мелочей. Могла с точностью сказать, на какой странице и в каком абзаце у следователя вдруг кончился стержень в авторучке и где нечаянно была пропущена запятая. Но что-то, видимо, я пропустила в этой жизни, потому что по обеим номерам мне ответили совершенно посторонние люди, возмущенно заявив, что ничего о таком-то и таком-то не слыхивали.

Повесив трубку, я задумалась. И чем дольше длился этот процесс, тем мне становилось неуютнее.

То, что Алейников поменял номера телефонов, могло означать только одно – он боится! И не праведного гнева правосудия – от него ему удалось удачно ускользнуть, – а чего-то еще. Чего-то более мощного и опасного. Эта невидимая сила унесла с собой жизнь моего мужа и теперь, по-видимому, подбирается к нему. Он паникует и совершает наивные поступки, пытаясь скрыться, в том числе и за новым цифровым набором. Боже мой! Разве это выход из тупика?..

Подобные размышления вызвали в моей душе приступ раздражения. Я подхватила вещи и ринулась на перрон. Вагон номер девять, значившийся в моем билете, должен был подойти к самому краю посадочной платформы. Поглазев по сторонам в поисках моей необязательной подруги и нигде оную не обнаружив, я прошла к пустующей скамеечке под раскидистым кленом и с глубоким вздохом опустилась на нее.

Легкий ветерок шевелил широкие листья дерева, давая не бог весть какую, но все же прохладу. Я пошарила в сумке и достала припасенную загодя баночку колы. И только-только собралась отвлечься от запретных мыслей, буравящих мой мозг, как над самым ухом раздалось:

– Добрый день! Уезжаете?..

Мне можно было не оборачиваться, для того чтобы посмотреть, кто явился возмутителем моего спокойствия. Он возник через пару секунд передо мной, заслонив своим силуэтом солнце.

– Уезжаете? – повторил свой вопрос Алейников, усаживаясь рядом. – Куда, если не секрет? В такую жару лучше к морю или…

– Это не ваше дело! – не совсем любезно прозвучал мой ответ, перебив навязчивого собеседника.

– Возможно, возможно…

Он закинул ногу на ногу. При этом брючина на левой ноге задралась, обнажив резинку светлых шелковых носков.

«Пижон! – подумалось мне. – Кто же в такую жару в таких носках ходит?»

– Да, вы правы, – улыбнулся Алейников, перехватив мой взгляд. – Жарко, но сами понимаете – положение обязывает…

– Мне плевать! – рявкнула я и отхлебнула из баночки. – Что вам нужно?

– Мне?! – его брови поползли вверх. – Это я вам, по-моему, был нужен! Вы так старательно накручивали диск телефона, пытаясь со мной связаться, что я счел своим долгом явиться на ваш зов. Хотя и не слышал вашего голоса.

– Ага, понятно! – Пустая баночка из-под колы была пущена мною в ближайшую урну, а на Алейникова обрушилось не совсем любезное объяснение: – Я действительно звонила вам. Мне очень хотелось узнать, какого черта этот, обтянувший себя до неприличия мальчик следит за мной?

– Он не следит, а наблюдает.

– А кто его об этом просил?

– Я…

– Зачем?

– В целях безопасности.

– Чьей?! – мои нервы потихоньку сдавали.

– И вашей тоже…

– Что, как вы считаете, может мне угрожать?

– Никогда не знаешь, откуда ждать опасности, – туманно пояснил Алейников, повернувшийся в процессе этого своеобразного диалога ко мне вполоборота.

– Да, не могу с вами не согласиться. Тимур, видно, вам очень доверял, раз поддерживал с вами деловые контакты, за что и был жестоко наказан…

– Я его не убивал, – насупился Алейников.

– Он ехал на встречу с вами – это первое! Никто, кроме вас, не знал, где она должна состояться, потому что позвонили вы ему буквально за двадцать минут до того, как условиться об этой самой встрече. Это второе! И третье – вы попросили его приехать одного! Он все сделал, о чем вы его просили. И в результате, через десять минут после того, как он тронул машину с места, она взлетела на воздух! Кого еще можно назвать подозреваемым?

Хотела я того или нет, но на последних словах голос мой дрогнул, а в области сердца опять ворохнулась старая печаль. Словно почувствовав мое состояние, Алейников тяжело вздохнул и несколько минут пристально меня разглядывал.

– Я ему не звонил, – выдохнул он какое-то время спустя. – В это время я спал! Я знаю, что повторяюсь. Но прошу вас мне поверить. Точно такое же покушение было совершено и на меня…

– Я вам не верю! – почти выкрикнула я и вскочила со своего места, увидев в этот момент выбежавшую из здания вокзала подругу. – Да, я не засадила вас за решетку! Да, я сочла улики, имеющиеся в деле, недостаточными для этого! Но это ничего не меняет, вы – убийца!

С этими словами я подхватила свою поклажу и устремилась навстречу Антонине, которая, завидев меня, расплылась в широчайшей улыбке.

– Анна Михайловна! – окликнул меня Алейников, поднимаясь следом за мной. – Видит бог – вы заблуждаетесь! И было бы очень хорошо, если бы это самое заблуждение не сыграло с вами злую шутку.

Мне некогда было пускаться в объяснения – из-за поворота показалась стремительно приближающаяся длинная вереница вагонов.

– Тонька! – укоризненно склонила я набок голову. – Это как называется?

– Свинство! – опередила меня она. – Анюта, милая, прости! Попала в пробку, затем к тебе заехала. В итоге потеряла целых полчаса! Давай прощаться, а то стоянка поезда всего три минуты.

Но и этих трех минут хватило на то, чтобы во всех подробностях расспросить меня о необычной встрече, свидетелем которой она случайно оказалась.

– Что-то подсказывает мне, что этот типчик здесь замешан… – подвела черту под моим повествованием Тонька. – Все гораздо сложнее, чем обычный дележ в криминальном мире. Ну, да ладно! Поезжай с богом и отдохни как следует. Прости меня, если что не так…

Тонька облобызала мои щеки, вымазав их ярко-алой помадой, швырнула мои вещи в тамбур и, махнув на прощание рукой, пошла прочь. При этом она ухитрялась выглядеть настолько роскошно в своем видавшем виды хлопковом платье и поношенных сандалиях, что толпившаяся на посадочной платформе мужская половина провожающих едва не выкручивала головы, глядя ей вслед. У вокзальных дверей она на мгновение задержалась, оглянулась, выискивая меня среди множества лиц, прильнувших к окнам, и, так и не сумев найти, скрылась из вида.

Электровоз пронзительно свистнул и, плавно дернув вагонами, медленно покатил. Провожающие сбились в галдящую толпу, толкая и наскакивая друг на друга. И лишь один человек стоял далеко, в стороне от всех. В своем светлом дорогом костюме, он резко выделялся на фоне безликой толпы, облаченной в большинстве своем в шорты, майки и сарафаны. Во все то, чего настоятельно требовала июльская жара. Но не его презентабельный вид привлекал к себе внимание, а то, с каким напряжением он вглядывался в проплывающие мимо вагоны.

Приказав себе не забивать голову разрешением неразрешимых головоломок, я открыла дверь купе и, к радости своей, не обнаружив в ней других пассажиров, вошла внутрь.

Поезд, между тем, набирал скорость, мелькая в окнах кадрами изумрудно-зеленых лесов и похожих друг на друга серых полустанков. Я переоделась в легкий спортивный костюм, уложила вещи под нижнюю полку, которая была означена в билете моей, и совсем было собралась задремать, когда дверь поползла в сторону и на пороге возник проводник. Вернее, не проводник, а проводница – молоденькая девчушка лет восемнадцати.

– Чаю хотите? – приветливо улыбнулась она мне.

– Пока нет, спасибо, – улыбнулась я в ответ.

– Вам долго ехать… – пробормотала она и, склонив белокурую головку, спросила: – Отдыхать или к родственникам?

– Отдыхать, – изменяя своей привычке не заводить разговоров с незнакомыми, коротко ответила я.

– Понятно, – продолжала она улыбаться. – Там, куда вы едете, очень хорошо восстанавливать душевные силы.

– Именно за этим я туда и еду… – задумчиво пробормотала я, устало прикрывая глаза. – Именно за этим.

* * *

Шла вторая неделя моего добровольного заточения. Погода стояла изумительная. В меру тепло, в меру прохладно. Даже надоедливый гнус куда-то исчез, словно желал дать мне давно ожидаемое ощущение безмятежности. Но как ни старалась природа, покой в душе так и не был обретен. Ловила ли я рыбу, прибирала ли в домике, меня свербило ощущение неловкости и недовольства собой. Слова Алейникова точили меня изнутри, словно жук-точильщик, постепенно стирая в труху уверенность в его виновности. И если поначалу глаза мои были завешены пеленой страдания и ненависти, то теперь эта пелена потихоньку начала спадать, возвращая миру светлые краски.

К удивлению своему, я без содрогания вкушала приготовленную еду, совершенно не задумываясь над тем, что она способствует продолжению жизни. Я улыбалась своему отражению в воде, не испытывая при этом отвращения к себе за то, что чему-то радуюсь. Скажи мне кто-нибудь пару месяцев назад, что я вновь научусь радоваться жизни, я сочла бы это кощунством. Но факт оставался фактом – я постепенно оживала. Антонина не так уж была неправа, настояв на моем отъезде. Ее жизненная мудрость одержала верх и на этот раз. Но стоило мне

вспомнить об Алейникове, как мое ликование сразу тускнело. Мысль о том, что я изводила себя ненавистью и вынашивала планы мести по отношению к человеку, который, возможно, был невиновен, не давала мне покоя.

Надув губы, я усаживалась на малюсенькую скамеечку на крылечке и, глядя невидящими глазами на полыхающий закат, принималась изводить себя угрызениями совести. Ни один из доводов, которые я приводила в свою защиту, не был мною сочтен объективным. Я была прежде всего человеком, наделенным властью судить, а не женщиной и не женой погибшего. Неизвестно, сколько времени продолжалось бы мое самобичевание, если бы однажды я не приняла единственно верное решение: я решила начать самостоятельное расследование. Разумеется, ни Антонине, ни кому бы то ни было знать об этом было совершенно не обязательно. Поскольку я в отпуске, мое времяпровождение не должно никого волновать. А вездесущей подруге я решила не сообщать о дне своего приезда.

– Да будет так! – сразу воспряла я душой и принялась готовиться к отъезду.

Сборы мои были недолгими. Рано поутру я плотно поела, убрала остатки провизии в недосягаемые для мелкого зверья места и, накинув щеколду на дверь, двинулась к сторожке лесника, откуда он обещал меня доставить в ближайший городок.

Первый час путешествия прошел без приключений. Я вышагивала едва заметной тропинкой, совершенно не ощущая тяжести своей поклажи, и вполголоса повторяла снова и снова полюбившуюся мне с детства считалочку. И вот когда я повторила ее раз, наверное, в сотый и дошла до того места, где «все равно кому водить», чуть левее от меня в густых зарослях неведомого мне кустарника раздался хруст валежника. Мне он показался оглушительным. Я опасливо заозиралась и прибавила шагу в надежде, что это случайно напуганный мною зайчишка или олененок. Но треск стал более ощутимым, и сквозь зелень листвы мне почудилось мелькание чего-то серого.

«Волк! – лихорадочно заметались мои мысли, и я рванула что было сил по тропинке. – Лесник говорил, что ни волки, ни медведи в эту часть леса не забредают, но ведь из правил бывают исключения!»

Вооруженная двумя газовыми баллончиками на случай встречи с непрошеными гостями в человечьем обличье, я ругала себя последними словами за то, что проявила легкомыслие и отказалась от старенькой винтовки, которую мне настоятельно советовал взять лесник.

Внезапно все стихло. То есть не совсем, конечно. Лес к этому часу только-только пробуждался, наполняясь птичьим гомоном. Стих хруст, преследовавший меня. Не веря своим ушам, я остановилась и закрутила головой во все стороны. Действительно, тот, кто гнался за мной эти несколько десятков метров, либо отстал, либо решил, что в моем лице обретет не такую уж ценную добычу. Немного успокоившись и восстановив дыхание, я перехватила поудобнее сумку, подбросила на спине рюкзак и пошла скорым шагом к сторожке лесника, благо изгородь его усадьбы уже угадывалась сквозь листву. Но когда я обошла не в меру разросшиеся кущи молоденьких сосенок и свернула на широкую просеку, мои ноги приросли к земле…

Преграждая мне путь, на дороге стояло чудовище, отнести которое к какому-либо классу я в тот момент затруднялась. Оно не было волком, потому что имело серо-коричневую шкуру с рыжими подпалинами, но оно не могло быть и собакой, так как размерами своими напоминало теленка. Чудовище глазело на меня настороженными глазами, вывалив огромный алый язык едва ли не до земли.

– Чего тебе нужно? – тихонько пролепетала я, делая пробный шажок в сторону. – Дай мне пройти… Я тебе ничего не сделаю…

Со знанием человеческого языка у него было плоховато, поскольку мои слова имели прямо противоположный эффект. Зверь оскалился, зарычал, шерсть на загривке у него поднялась дыбом.

– О, боже мой! – пискнула я, с отчаянием вспомнив, что баллончики уложила на самое дно рюкзака, а снимать его сейчас и уж тем более рыться в нем значило навлечь на себя новую немилость этого лесного монстра.

– Пожалуйста! – как можно проникновеннее начала я снова. – Пропусти меня! Если я задержусь, то опоздаю на автобус, а затем на поезд…

Благозвучность моего голоса возымела свое действие – зверь свирепость свою пригасил и совсем по-собачьи вильнул хвостом. Но дальше этого дело не пошло. Он улегся, уложив морду на вытянутые лапы, и принялся следить за мной из-под полуопущенных век.

– Как тебя зовут? – сделала я попытку познакомиться.

– Байкал! – было мне ответом, отчего, признаюсь, у меня возникли серьезные сомнения по поводу моей вменяемости.

– Байкал, голубчик! Пропусти меня!

– Он этого не сделает до тех пор, пока я ему этого не прикажу!

Я оглянулась на голос и увидела, наконец, этого сурдопереводчика. Он стоял, облокотившись о ствол огромного кедра, и хмуро меня разглядывал из-под кустистых бровей.

– Это ваша собака?

– Моя.

– А не могли бы вы ее убрать? – переминалась я с ноги на ногу, стараясь при этом приветливо улыбаться. – Мне нужно туда, в сторожку…

– Где Тимур? – мужчина оттолкнулся от дерева и тяжелой походкой двинулся в мою сторону.

Вместе с ним ожило и животное. Оно приподняло огромных размеров морду и, оскалившись, угрожающе зарычало.

– Что вы сказали? – переспросила я, продолжая топтаться на месте.

– Я спросил – где Тимур? – мужчина подошел ко мне вплотную и впился в меня своими глазами-щелками. – В прошлый раз вы были вместе! Ты его жена… Ведь так?!

– Д-да… Вернее, была женой…

– Что так? Разошлись?..

– Н-нет. А кто вы такой? – обрела я наконец способность говорить. – Почему вы спрашиваете?

– Я хочу знать, где Тимур! – упрямо повторил незнакомец, забыв представиться. – Здесь что-то не так! Я это сразу почувствовал! Почувствовал, едва увидел тебя у избушки.

– Вы его родственник? – догадалась я, к досаде своей подумав, что никогда не интересовалась этой стороной вопроса.

– Можно и так сказать, – согласно кивнул мужчина. – Так где он?

– А-а-а… его больше нет! – растерянно развела я руками.

– Как нет?!

– Тимур погиб… – Мои глаза наполнились слезами. – Погиб почти полгода назад…

Оторопело уставившись на меня, незнакомец открывал и закрывал рот, не в силах вымолвить ни слова. Глаза его при этом широко раскрылись, и я, к удивлению своему, отметила, что они удивительного бирюзового цвета.

– Тимка… погиб! – почти простонал он и осел на землю. – Как же так?! Что же случилось?!

– Он взорвался в своей машине, отправившись на деловую встречу. – Колени мои подогнулись, и я опустилась на землю рядом с незнакомцем. – Это произошло спустя два месяца после нашего с ним возвращения отсюда. А вас я не видела…

– Я был в рейсе. Мне потом лесник сказал, что вы приезжали. Он хоть у нас человек и новый, но нормальный мужик. Слышал, проходя мимо, как ты его Тимуром окликала. А это место только мое и Тимкино. Значит, никто кроме забрести туда не мог.

– Вы водитель? – спросила я и, видя его недоуменный взгляд, переспросила: – Вы сказали, что были в рейсе… Вы дальнобойщик?

– Нет, птаха! Я моряк! Всю жизнь на торговых судах ходил, а тут решил на земле осесть. Потянуло в родные края. С месяц как вернулся… – Мужчина отвернулся и потер глаза. – Думал, наконец-то с Тимкой свижусь. Вот такие дела…

– А Тимур, он… – осторожно начала я, – он вам…

– Племяш он мой, – перебил меня человек. – Сеструха его родила от залетного одного с прииска, когда мне всего шесть лет было. Родила, да и умерла через пару лет. Вот мать и меня, и его поднимала…

– А она жива?

– Мать-то? Нет. Умерла. Давно умерла. – Мужчина сделал паузу, потом спросил: – Тебя-то звать как?

– Анна.

Он пожал мою протянутую ладошку и представился:

– Иван.

– Странно, – коротко улыбнулась я. – У вас имя исконно русское, а у Тимура…

– А-а-а, это сеструха назвала. Все по словарю искала. Мать ругалась, а она нет, говорит, Тимуром назову.

Иван склонил голову на сцепленные кисти рук и надолго замолчал, а мне представилась прекрасная возможность разглядеть неожиданно свалившегося на мою голову родственника.

Если учесть разницу в возрасте с Тимуром в шесть лет, то ему должно быть что-то около сорока пяти, хотя выглядел он намного моложе своих лет. Высокий, атлетически сложенный, он мог дать фору и своему покойному племяннику, отрастившему за пару лет семейной жизни со мной небольшой животик. В лице его, продубленном солеными ветрами океанских широт, не было ничего выразительного. Прямой нос, тонкие губы, высокие скулы, и если бы не его глаза, казалось, вобравшие в себя всю лазурь морской пучины, то запомнить его после первой встречи было бы очень затруднительно.

Словно почувствовав, что я за ним наблюдаю, Иван поднял голову и глухим голосом попросил:

– Ты не уезжай сейчас… Нам нужно обсудить все. Поговорить, наконец, по-семейному…

– Не знаю, – залопотала я неуверенно, припоминая, какими идеями была движима всего лишь вчера, сократив свой отдых на две недели. – У меня скоро отпуск закончится… К тому же и дела…

– Задержись хотя бы на денек-другой, а? – просящими глазами уставился он на меня и, заметив, что я колеблюсь, зачастил: – Потом сам провожу тебя в город! Тебя никто не обидит! А так, мало ли что…

Вспомнив пережитый ужас от встречи с его четвероногим другом и непредсказуемость этого сурового края, я после недолгих колебаний согласно кивнула.

Иван повеселел, взвалил себе на плечо мою поклажу и, свистнув Байкалу, двинул по просеке в противоположную от сторожки лесника сторону. Я засеменила следом, глядя в его широченную спину и одновременно поражаясь своему безрассудству, толкнувшему меня довериться незнакомому человеку. Видимо, переоценка ценностей, о которой мне все время твердила Тонька, сделала свое дело, раз я перестала ценить свою собственную безопасность.

– Что вы сказали? – переспросила я, едва не налетев на Ивана, который в раздумье остановился у развилки.

– Я говорю: где пойдем?

– А что, есть альтернатива? – спросила я, пытаясь скрыть свою настороженность под приветливой улыбкой.

– Тут два пути, – принялся пояснять Иван, оживленно жестикулируя. – Если пойдем прямо, как шли, то дай бог к вечеру добраться. Верст пятнадцать будет, никак не меньше. А напрямую – всего три. Часа за полтора дойдем.

Я проследила за его рукой, и мне сделалось совсем нехорошо.

Узкая песчаная тропа, поросшая по краям бородатой травой, брала свое начало у развилки и, круто петляя, уходила в непроходимую сосновую чащу. Свет туда не проникал даже в такой солнечный день, как сегодняшний.

– Ну так что, Ань? – Иван отер рукавом тельняшки пот со лба. – Где идем?

– Конечно же там, где короче, – прозвучал мой бравурный ответ, хотя наблюдательный человек смог бы уловить в нем интонации, явно свидетельствующие о том, что меня гложет страх.

Иван оказался именно тем наблюдательным человеком. Несколько мгновений пристально разглядывая меня, он понимающе хмыкнул и произнес:

– Не бойся… Все будет хорошо.

Шли мы чуть больше трех часов. Тропинка то появлялась, то исчезала под сухим валежником, через который мы с большим трудом, но все же пробирались. Я вымоталась настолько, что сил не было даже на то, чтобы пугаться, натыкаясь на внимательный, изучающий взгляд моего спутника. Верный Байкал трусил рядом с ним, время от времени оборачиваясь, когда я отставала. Казалось, конца и края не будет этой чащобе. И когда неожиданно в лицо мне ударили лучи солнца, я едва не расплакалась от радости.

– Неужели пришли? – с надеждой в голосе спросила я, без сил падая на землю.

– Почти, – порадовал меня Иван, сбрасывая с плеч поклажу и усаживаясь рядом. – Сейчас спустимся с пригорка, там лугом метров триста, а там и до нашей деревни недалеко.

Все было именно так, как рассказывал Иван. Только назвав свой населенный пункт деревней, он явно погорячился. Это был скорее хутор, насчитывающий с десяток домов, большая половина из которых была заколочена.

– Ты здесь живешь? – незаметно перешла я на «ты».

– Пытаюсь.

Иван круто взял влево, и вскоре мы стояли у покосившегося забора, опоясывающего заросшую бурьяном усадьбу. Лебеда с чертополохом, произрастающие здесь в великом множестве, вольготно заполонили всю территорию сада и огорода и постепенно брали в кольцо малюсенький домишко в три окошка. Я с опасением остановилась у первой ступеньки полусгнившего крылечка и вопросительно посмотрела на Ивана.

– Иди, иди, не бойся, – приободрил он меня. – Все, что было можно, я подлатал. Крыша на голову не упадет, пол под тобой не проломится!

И крыша не упала, и пол не проломился, и даже имелась новенькая четырехконфорочная газовая плита, сияющая нетронутыми никелированными ручками.

– Ишь ты, – подивилась я, останавливаясь у плиты и внимательно ее изучая. – С электроподжигом!

– На той неделе поставил. Еще и не готовил ни разу. Я люблю в саду готовить. У меня там печка из кирпичей огнеупорных сложена. С дымком вкуснее.

В справедливости его слов я убедилась, уплетая за обе щеки приготовленные им щи и пельмени. Его поварскому мастерству могла позавидовать любая женщина. Каждое движение, каждый взмах поварешкой не были лишними. А когда на аккуратно оструганный деревянный столик было водружено блюдо с шанежками, то изумлению моему не было предела.

– Ну ты даешь! – восхищенно выдохнула я, отодвигая от себя пустые тарелки. – Так все вкусно, аппетитно. Кто же тебя этому научил?

– Жизнь, – последовал лаконичный ответ. – Сначала дома матери помогал, потом в армии, затем на флоте частенько кока нашего подменял. Тот мастак был по части выпивки, приходилось выкручиваться нашему старпому. Не оставишь же команду голодной!

Я помогла убрать и вымыть посуду, и спустя минут двадцать мы сидели все за тем же столом под старой скрипучей яблоней и говорили о Тимуре. Вернее, больше говорила я, а Иван внимательно слушал, время от времени вставляя вопросы.

– А здесь не осталось его фотографий? – спросила я, закончив свою историю.

– Нет, – покачал он головой. – Дом долгое время стоял заколоченным. Мыши все в труху сточили. Неделю мусор вывозил.

– Жаль, – вырвался у меня печальный вздох. – Ты знаешь, я вспоминаю сейчас нашу с ним совместную жизнь и диву даюсь. Мы так были счастливы, так упивались обществом друг друга, что не оставалось времени на то, чтобы говорить о родственниках. Скорее даже причина была в другом…

– В чем?

– Я ведь вторая жена у Тимура…

– Да?! – брови Ивана поползли вверх. – Удивлен, если честно. Он рос таким правильным ребенком. Так переживал, что рожден не в браке… Помню, всегда говорил, что никогда не бросит своего ребенка.

– И тем не менее, – печально констатировала я. – Он расстался с женой и дочкой. Но произошло это задолго до нашей с ним встречи. И невзирая на это, покоя от его бывших родственников не было. Видимо, это и сыграло свою роль.

– Ты о чем?

– Я о том, что ничего не знала о тебе, твоей матери и сестре.

– Ты любила его?

– Да… Очень любила, – глаза мои против воли увлажнились. – Я думала, умру следом за ним.

Я положила подбородок на сцепленные пальцы и печально уставилась вдаль. Иван тоже надолго замолчал, не мешая мыслям моим возвратиться к прошлому. И когда какое-то время спустя он что-то произнес, я вздрогнула от неожиданности.

– Что ты сказал?

– Я еду с тобой, – твердо повторил он и, словно закрепляя сказанное, припечатал ладонью по столу. – Думается мне, что ты не успокоишься…

– В каком смысле?

– В таком, что ты вряд ли будешь сидеть сложа руки, а захочешь докопаться до истины. Рана твоя сейчас немного затянулась, и уже можешь смотреть на все трезвым взглядом. Вот я и буду рядом, чтобы мои родственники больше на воздух не взлетали, если вдруг надумают перешагнуть запретную черту.

– А куда же собаку денешь?

– Придется леснику оставить. С собой ведь не возьмешь такого зверя. Решено, еду!

Какое-то время мы помолчали, пытливо изучая друг друга. Затем я с глубоким вздохом пробормотала:

– Ну что же, может, ты и прав. Я действительно хочу во всем разобраться. И будет лучше, если ты будешь рядом.

ГЛАВА 3

Спустя два дня мы выходили с ним из душного поезда, который доставил нас на железнодорожный вокзал моего родного города. Толчея на перроне была невыносимой. Одурманенные жарой люди куда-то бежали, толкая друг друга сумками, кейсами и туго набитыми пакетами.

– Н-да, – озабоченно почесал Иван небритый затылок. – Куда все несутся? Ты не знаешь?

– Нет, – засмеялась я его растерянности. – Нам тоже нужно поторопиться, чтобы поймать такси.

Такси нам поймать не удалось, поэтому пришлось трястись через весь город в стареньком, жутко коптящем автобусе. Иван сердито сопел, то и дело вытирал платком вспотевший лоб и сердито смотрел на пожилую даму, все время норовившую наступить ему на ногу своим огромным каблуком.

– Как вы здесь живете? – это был первый вопрос, который он выпалил, едва оказался на твердой земле. – Это же как рыба в трюме!

– Привыкаем…

Подхватив с земли брошенный Иваном в сердцах рюкзак, я пошла по тротуару в сторону стареньких двухэтажек, в одной из которых мною была куплена квартирка, так и не ставшая нашим с Тимуром гнездышком.

Двор был пуст. Старушки, любившие посиживать под старыми тополями на узкой скамеечке, попрятались от полуденного зноя. Населявшая двор ребятня, скорее всего, отправилась на пляж. Так что наше появление заметила лишь горстка кур, лениво ковыряющих землю в поисках заветного червячка.

Я достала ключи, и вскоре мы уже переступали порог моей двухкомнатной «хрущевки», которую умелые строители перекроили на свой лад, придав ей более современный вид.

– Хорошо-то как! – блаженно вытянул ноги Иван, устраиваясь на банкетке в прихожей. – Прохладно!

– Кондиционер, – машинально пояснила я и чуть не остолбенела.

Кондиционер действительно еле слышно шелестел, наполняя квартиру прохладой. Но я-то точно помнила, что, уезжая, отключила все электроприборы.

– Что-то не так?! – подобрался сразу Иван, вставая.

– Пока не знаю… – пробормотала я растерянно и пошла гулять по комнатам. – Может быть, Тонька сейчас здесь живет…

– А Тонька, это кто?

– Подруга, – ответила я, мимоходом подмечая мокрую мочалку в ванной, скомканные простыни на кровати и свежую буханку хлеба в хлебнице. – Что-то у нее опять, видимо, не так. А ведь хотела с мужем помириться… Надо будет ее расспросить.

Но сделать этого мне не удалось.

На работе, а трудилась она главным инженером по капстроительству на одном из предприятий города, мне сказали, что Антонина в отпуске вот уже неделю. Домашний телефон не отвечал, приветливо вещая ее голосом и прося оставить нужную информацию после звукового сигнала. Скинув кроссовки, я уселась в кресло, блаженно вытянула ноги и погрузилась в размышления.

Что-то мне во всем этом не нравилось. После недолгих раздумий я пришла к выводу, что меня настораживает, скорее всего, тот факт, что у Тоньки на носу была сдача одного из важнейших объектов. Она мне все уши прожужжала, что в начале августа у нее должна быть госкомиссия. Уйти в отпуск сейчас она могла, лишь имея очень объективные причины. Их, этих самых причин, могло быть множество, но, обмусолив каждую из предполагаемых по нескольку раз, я оставила лишь две.

Первой мог быть ее разлюбезный супруг, с которым она маялась вот уже скоро как десять лет. Прощая его многочисленные измены, Тонька тешила себя мыслью, что рано или поздно ему это надоест и он обратит свой взор на нареченную. Но год проходил за годом, прибавляя мужу седых волос на голове, а бес, тот, что в ребро, и не думал успокаиваться.

– Неужели он довел ее до такой степени, что она ушла из своей собственной квартиры, за которую отпахала пятнадцать лет на одном месте? – шепотом подивилась я. – Нет, это на нее не похоже…

Все было как раз наоборот. Это ее любимый Витенька всякий раз уходил с чемоданами в неизвестном направлении с тем, чтобы недели через три виновато ползать у нее в ногах и одаривать подарками, вымаливая прощение.

Нет, эта версия была маловероятной. Думать же над второй я пока не хотела – слишком уж страшным мог быть результат.

– Ань, – позвал меня Иван, появляясь в дверном проеме и подводя на сегодня черту под моими размышлениями. – Пойдем пожуем чего-нибудь, я там на скорую руку сгондобил…

На скорую руку у него получилось немало: яичница с помидорами и зеленью, веером разложенные по тарелкам кружки копченой колбасы и сырники.

– Откуда все это? – вытаращила я глаза на обеденный стол.

– В холодильнике твоем нашел, – просто ответил Иван, наворачивая на вилку блин яичницы. – Там еще фрукты, но я их не стал трогать.

Не веря своим ушам, я дернула ручку холодильника и невольно отступила – полки его ломились от гастрономического изобилия.

– Да, Антонина расстаралась не на шутку, – с теплотой в голосе пробормотала я, усаживаясь за стол. – Надо будет поблагодарить при встрече.

Но встреча так и не состоялась. Я два дня безвылазно просидела дома, дожидаясь ее возвращения, но она так и не пришла. Телефон в ее квартире по-прежнему не отвечал. Я бесцельно слонялась по комнатам, маясь от безделья и неизвестности. Иван, ранним утром покидавший мою квартиру, возвращался лишь к вечеру и без сил падал на диван в гостиной, отказываясь даже от ужина.

– Я в городе поел, – сонно бормотал он и отворачивался к стене, не вдаваясь в объяснения.

К концу недели эта его немногословность мне порядком надоела. В четверг я завела будильник на половину пятого и рано утром, наскоро умывшись, уселась в кресло напротив спящего родственничка. Но, как назло, тот и не думал просыпаться. Проторчав около часа в кресле и отсидев поочередно обе ноги, я подложила под спину подушку, устроилась поудобнее и лишь на мгновение прикрыла глаза. Когда же я их открыла, диван был аккуратно застелен одеялом, а Ивана и след простыл.

– Это черт знает что такое! – взорвалась я и принялась собираться.

Конкретного плана действий как такового у меня не было. Просто необходимо было что-то делать, хоть как-то воплощая в жизнь мои намерения докопаться до истины.

* * *

– Здорово, проходи… – хрипло поприветствовал меня Виктор, открывая входную дверь.

Я скользнула взглядом по его помятой физиономии и переступила порог. Бардак царил в квартире невообразимый. Опрокинутые стулья, сдвинутые с мест кресла, скомканные на полу ковры.

– Ничего себе! – присвистнула я, останавливаясь у стола в гостиной, хранившей следы недавнего пиршества. – Что отмечали?

– Ничего, – не совсем любезно буркнул хозяин и потянулся за пачкой сигарет. – Ты чего пришла-то, Анна? Воспитывать меня или дело какое?

– А просто так нельзя? – иронично приподнялась моя бровь. – Ты не очень гостеприимен.

Виктор хмуро смерил меня взглядом и, ничего не ответив, закурил. Поняв, что предложения с его стороны мне не дождаться, я приподняла один из стульев и с опаской уселась на самый его краешек.

– Где Антонина?

– Не знаю, – выдохнул Виктор вместе с дымом. – Это ты у ее хахаля спроси.

– К-какого хахаля?! – От изумления, вызванного его словами, я едва не съехала на пол. – Ты чего городишь?

Он ткнул окурок в пепельницу и первый раз за последние несколько минут внимательно на меня посмотрел. Видимо, удивление мое было столь непритворным, что Виктор, несколько раз недоверчиво качнув головой, пробормотал:

– Похоже, что и для тебя это новость.

– Ты можешь мне рассказать по-человечески, что происходит?! – Я схватила со стола бутылку водки и, открутив пробку, плеснула себе в чистый стакан. – Виктор! Давай, не тяни! Выкладывай!

– А чего выкладывать-то? – пожал он плечами и тоже налил себе в стакан. – Две недели назад она ушла от меня… Подло так, вероломно!.. Понимаю, что я не подарок. Но я мужчина! Надо это понимать!

– Действительно… – не удержавшись, фыркнула я.

– Ладно тебе! – Виктор обиженно засопел. – Она могла хотя бы поговорить со мной! Хотя бы записку оставить!

– А с чего ты решил, что она ушла, а не попала, скажем, в автомобильную катастрофу? – я сморщилась от горечи, деранувшей по горлу, и потянулась за ломтиком лимона.

– Ага, как же! Попала в катастрофу, а потом позвонила и сказала: «Прости, я люблю другого!»

– Она звонила?!

– Да…

– Когда?

– Дня через два после исчезновения. Я с ума сходил от беспокойства, – плаксиво произнес Виктор, заставив меня недоверчиво хмыкнуть. – Можешь не верить, но десять лет прожиты вместе, просто так не вычеркнешь из жизни. Так вот… Я обзванивал всех знакомых, больницы, морги, милицию. Нигде никаких следов. А через два дня она звонит сама и говорит совершенно спокойным, ровным голосом: «Не ищи меня, я наконец решилась от тебя уйти…» Как тебе это нравится?

Если честно, то мне это все совершенно не нравилось. И не потому, что Тонька скрыла от меня существование неизвестного воздыхателя, а потому, что во всем этом мне чудился какой-то скрытый смысл.

– Она жила у меня, – сказала я после паузы. – Я приехала и обнаружила включенный кондиционер, полный холодильник продуктов и смятые простыни на кровати…

– Еще бы! – зацепился Виктор за последние слова. – Где-то им нужно любить друг друга…

– Прекрати, – недовольно сморщилась я. – Если она решила уйти от тебя, то не ко мне же! Что-то здесь не так! Вы не ругались?! А может, у тебя завелась очередная пассия?

– Нет! – вскинулся Виктор. – В том-то все и дело! Все было нормально. Утром она встала, чмокнула меня в нос и сказала, что едет провожать тебя. Вечером я ждал ее к ужину, приготовил ее любимый салат из омаров, но она не пришла! Я прождал ее большую половину ночи,

пока не свалился от усталости. А утром кинулся ее искать. На работе сказали, что она взяла отпуск…

– Я знаю, – перебила я Виктора. – Звонила туда. Но почему же она не вернулась? Я просидела дома два дня.

– А я две недели, – он опустил вниз всклокоченную голову и прикрыл глаза рукой.

Мне отчего-то стало ужасно жаль его. От былой стати ловеласа не осталось и следа. Передо мной сидел, покачивая от переживания седеющей головой, пожилой мужчина, волей обстоятельств выброшенный на пустынный берег одиночества.

– Не убивайся так, Виктор! – я коснулась рукой его волос. – В конце концов на этом ведь жизнь не закончилась.

– Ты так думаешь?.. – он поднял голову и глазами, полными тоски, посмотрел на меня. – Мне ведь скоро пятьдесят, Анна! Начинать сейчас все с нуля?..

– Ну… Ты еще красивый, полный сил мужчина. Женщины тебя любят…

– Женщины любят мои деньги, – обреченно вздохнул Виктор и промокнул глаза измятой салфеткой. – А Антонина… Нет, не думал, что она вот так со мной поступит!..

Горькие слова упрека готовы были сорваться с моего языка, но я сдержалась. Жестокость не была отличительной чертой моей натуры, а сыпать сейчас обвинения в его адрес было по меньшей мере негуманно.

Мы еще немного поговорили, условились о взаимных звонках, и я ушла, оставив мучимого ревностью и обидой Виктора страдать в одиночестве.

Всю его трепотню о Тонькином любовнике я всерьез не восприняла, хотя и не стала отстаивать ее целомудрие. Лично мне во всем этом мелодраматичном рассказе виделось нечто большее, чем простая любовная интрижка. Тревога за подругу, зародившаяся еще с той самой минуты, как я переступила порог своей квартиры, набирала обороты и тошнотворным комком вставала в горле. Мысль о том, что с Антониной могло случиться что-то ужасное, заставляла сжиматься мое сердце.

Выйдя из парадного, я повернула за угол дома и медленно побрела по улице. День, поначалу обещавший быть солнечным, вдруг померк. Небо хмурилось ненастьем, и вот уже посыпался мелкий моросящий дождь. Подосадовав на свою интуицию, не подсказавшую взять из дома зонт, я зашла в маленькое кафе рядом с кинотеатром «Спутник» и села за столик у окна. В кафе, в этот час немноголюдное, официантка на удивление быстро обслужила меня: принесла заказанный омлет, кофе и пирожные. Пожелав приятного аппетита, которого, к слову сказать, не появилось, она процокала тоненькими каблучками к соседнему столу.

Я уже допивала свой кофе, когда в кафе зашла шумная компания молодых людей. Одна из девушек, яркая блондинка, показалась мне знакомой. Отставив полупустую чашку в сторону, я пристально вглядывалась в ее точеный профиль, силясь вспомнить, где я могла ее видеть. Долго мучиться мне не пришлось. Девушка повернулась ко мне и, ослепительно улыбнувшись, кивнула:

– Здравствуйте, Анна Михайловна! Как ваши дела?

И тут меня кольнуло. Ну конечно же! Как я могла ее забыть? Это была Валюшка – правая рука моей Антонины. Женщины не поддерживали особо дружеских отношений вне работы, но как коллеги были просто незаменимыми друг для друга. Решив, что Валентина послана мне небом, я ответила ей столь же приветливой улыбкой и, поздоровавшись, попросила:

– Валечка! Вы не могли бы мне уделить несколько минут? Уверяю, не задержу слишком долго.

– Ну что вы!

Она подхватила свой бокал с коктейлем и, извинившись перед своими спутниками, пересела за мой столик.

– Вы ведь меня хотите расспросить об Антонине? – прерывая возникшую неловкую паузу, спросила Валентина. – Для нас это ведь явилось полной неожиданностью!

– Д-да, конечно, – промямлила я, решая про себя, насколько могу быть с ней откровенной.

Но моя собеседница имела удивительное свойство, о котором говорят как о «находке для шпиона». Спустя пятнадцать минут я уже располагала всей информацией о переменах в жизни моей самой близкой подруги, и, признаюсь честно, у меня возникли серьезные сомнения в искренности наших с ней отношений.

Ну хорошо, она скрыла от меня существование возлюбленного. В конце концов у нее могли быть на это свои причины. Но не сказать о том, что она собирается навсегда уехать из нашего города! Нет! Это уж слишком!

Проглотив обиду, больно оцарапавшую сердце, я тихо спросила Валентину, нетерпеливо поглядывающую в сторону своей компании:

– А как долго длятся их отношения?

– Ой, вы знаете, – на мгновение задумалась она, – не берусь с точностью утверждать, но, по-моему, чуть больше года. Ну, может быть, плюс-минус месяц, другой… Разве это имеет значение?

– Он звонил ей на работу?

– Конечно! – изумленно воскликнула Валентина. – А как бы я, по-вашему, могла знать об их отношениях?

– Их кто-нибудь видел вместе? Кто он?

– А вот этого не знаю. Хотя, полагаю, вряд ли они бывали где-нибудь вдвоем. Наш город не слишком-то велик… Кто-нибудь где-нибудь обязательно бы увидел. Нет, думаю, нет.

– Значит, кроме телефонных звонков, ничего? – тихо пробормотала я.

– Ой, вы знаете! – игриво усмехнулась Валентина, вставая. – У него такой приятный голос. Такой, знаете, глубокий… А когда он произносил: «Милая, пригласите Антонину…» – меня просто мороз по коже пробирал. Это его «милая», уж поверьте, способно лишить самообладания кого угодно. А тем более женщину, испытавшую такое разочарование в семейной жизни…

Компания за соседним столиком с шумом поднялась со своих мест, и Валентина, пробормотав слова прощания, упорхнула следом. А я осталась сидеть, уставясь невидящими глазами на заплаканное дождем окно кафе, и не могла поверить в то, что только что услышала. Обида, поначалу вспыхнувшая было в душе, постепенно уходила, уступая место раскаянию. Неужели я настолько была поглощена собой, что не замечала происходящего рядом? Два года я упивалась собственным счастьем, иной раз забывая позвонить Антонине и просто поинтересоваться, как ее дела.

«Свинья! – с горечью подумалось мне. – Тонька была права – неблагодарная свинья и есть! Она так много сделала для меня в жизни!»

Это Тонька вытащила меня из адвокатуры, порекомендовав Семену Алексеевичу как подающего надежды юриста. Это она дала мне денег в долг, когда я собралась покупать себе двухкомнатную «хрущевку». Даже счастьем с Тимуром я была обязана ей, потому что познакомились мы с ним на ее же юбилее.

Отмечала она его в ресторане «Витязь», собрав по меньшей мере человек семьдесят. Тимур был одним из немногих, кого приглашали как нужного человека.

– Анька, – шептала мне тогда порядком захмелевшая подруга. – Ты приглядись к этому усачу, приглядись! Он с женой разошелся и пока один. Работа у него престижная – зам генерального на фирме. Заживешь, как у Христа за пазухой…

Я плохо слушала ее тогда, отдаваясь атмосфере праздника, но, когда спустя два дня Тимур сам позвонил мне и пригласил поужинать с ним, я не отказалась…

– Вам плохо? – склонилась надо мной официантка. – Может, нужно чего-нибудь?

– Нет, нет, спасибо! Я уже ухожу!

Схватив со стола сумочку, я ринулась к выходу и, не помня себя, помчалась через весь город домой. В результате этой пробежки-самоистязания, которой я подвергла себя по дороге, ругая всяческими непотребными словами свой эгоистический характер, мне еле удалось вползти в квартиру. Голову ломило от нещадной боли, гудели от усталости ноги, и, в довершение ко всему, на холодильник была пришпилена записка, гласившая: «Уехал по делам. Когда буду, не знаю. Иван».

– Ну и черт с тобой! – невольно вырвалось у меня. – Обойдусь без тебя!

Это были последние слова, которые вырвались сами собой. Рухнув бессильно на диван, я обняла подушку и разрыдалась.

* * *

Дзинь, дзинь, дзинь…

Кто-то монотонно отстукивал по голове стеклянным молоточком, совершенно не заботясь о том, что я не просила об этой услуге. Я протяжно застонала, перевернулась на живот и попыталась спрятать голову под подушку. Но дотошное дзиньканье проникало даже сквозь толщу гусиного пуха. Сбросив с себя подушку, я с трудом разлепила опухшие глаза.

Дзиньканье не прекращалось. И только тут до меня наконец дошло, что это телефон. Я нашарила рукой аппарат и, едва не свалив его с прикроватной тумбочки, хрипло выдохнула в трубку:

– Алло! Да! Я слушаю…

– Анька, привет! – поприветствовал меня мужской голос на другом конце провода.

– Привет, а кто это?

Голос не был мне незнаком, но узнать его так вот сразу, после ночи, проведенной в терзаниях, я была не в состоянии. Я несколько секунд помолчала и повторила свой вопрос:

– Кто это?

– У тебя часом не амнезия? – язвительно поинтересовались на другом конце провода.

– Мишка? Это ты? – Прозрение все же посетило мое сознание. – Привет!..

– Чем занимаешься? Хотя о чем это я? – хмыкнул Михаил. – Если ты дома, значит, не на работе. Если долго не могла въехать, кто звонит, значит, спросонья. Я угадал?

– Да. Все правильно.

Я подоткнула себе под спину подушку и приготовилась слушать получасовой монолог Михаила, по части которых ему не было равных.

Следует заметить, что Михаил был моим однокурсником на юридическом факультете и на лекциях всегда садился по правую руку. Я настолько привыкла к его присутствию в своей жизни, что, когда он сообщил мне о намерении бросить институт, я растерялась.

– Ты с ума сошел?! – изумленно вытаращила я на него глаза. – Тебе же всего полтора года осталось до диплома!

– Понимаешь, Ань, мне место классное предложили. Три штуки зелени в месяц! А ждать не станут, пока я штаны буду просиживать на студенческой скамье…

Короче, Мишка бросил учебу и пошел зарабатывать деньги. Но его финансовое благополучие длилось недолго. Фирма, нанявшая его начальником охраны, разорилась, и он остался и без работы, и без выходного пособия.

В тот злополучный день он приплелся ко мне в общежитие в стельку пьяный и долго плакался на судьбу, уткнувшись в мое дружеское плечо. Под конец он так расчувствовался, что уснул на моей кровати прямо в ботинках. Мне же пришлось всю ночь тесниться на стареньком

диванчике с соседкой по комнате. Утром Мишка мучился похмельем и, стуча себе кулаком в грудь, клялся в вечной дружбе.

Именно это его обещание и всплыло сейчас в моей памяти. Я прокашлялась и, оборвав надоедливое нытье о никчемности жизни, осторожно спросила:

– Миша, ты где-нибудь сейчас работаешь?

– А что? – насторожился он сразу.

– Да нет, это я так… Из интереса.

– А-а-а, – он помолчал и виновато пробормотал: – Да нет… Нигде…

– Значит, ты звонишь, потому что тебе нужны деньги, – предположила я и, как оказалось впоследствии, не ошиблась.

Михаил сердито посопел в трубку, затем вполголоса чертыхнулся и наконец изрек:

– Да! Мне нужны деньги!

– Сколько? – осторожно начала я.

– Пары сотен, думаю, хватит.

– Разумеется, зеленых? – не без ехидства прозвучал мой вопрос.

– Ну не деревянных же! – возмутился Мишка. – Ань, ну ты даешь!

Мишкина непосредственность могла сбить с толку кого угодно, но только не меня. Если он рискнул в очередной раз просить у меня денег, не отдав предыдущий долг, значит, дела его совсем швах.

– Карточный долг или что-то другое? – не меняя интонации, продолжила я допрос.

– Ань, а можно я к тебе зайду?

– А ты где сейчас?

– Да за углом, в телефонной будке… – было мне ответом.

– Валяй, – бормотнула я и, бросив трубку, поплелась в прихожую открывать дверь.

Мишка явился минуты через три. Более того, в руках он держал бисквитный рулет с черничной начинкой и три чахлые гвоздики, подозреваю, сорванные с клумбы в соседнем дворе.

– Проходи, – вырвался у меня печальный вздох. – Я иду в ванную, а ты готовь завтрак.

С последним гость справился без проблем. Когда я зашла на кухню, чашки стояли на столе в окружении тарелок с нарезанным лимоном, бисквитом, колбасой и шоколадными конфетами. Мы молча уселись и приступили к трапезе, время от времени бросая испытующие взгляды друг на друга.

– Ты чего не на работе? – первым нарушил он молчание.

– В отпуске, – прозвучал мой более чем лаконичный ответ.

– Ага, понятно, – кивнул Мишка и сунул в рот кусок колбасы. – А я опять на мели, опять без работы.

– И у тебя опять проблемы… – подсказала я.

– Да, то есть нет… – замялся он и наконец виновато кивнул: – Да, проблемы. Штуку задолжал.

– Карты?

– Да…

– Скотина! – выдала я и еле сдержалась, чтобы не плеснуть в него остатками чая. – Ты же обещал!

– Прости, Ань! – Мишка приложил руку к сердцу. – Клянусь, это в последний раз! Одолжи, а?!

– Черта с два! Отработаешь, тогда и деньги получишь…

Скрестив руки под грудью, я с прищуром уставилась на Мишку, ожидая реакции. Но, вопреки обыкновению, он не возмутился. Поморгав несколько мгновений пушистыми белесыми ресницами, он судорожно сглотнул и еле слышно выдавил из себя:

– А что нужно делать?

– Я решила провести самостоятельное расследование гибели моего мужа.

– Тоже мне, ну и нашла ты мужа! – презрительно фыркнул Мишка.

К слову сказать, он Тимура не жаловал. Считал его непорядочным и самовлюбленным эгоистом. У меня о порядочности были свои представления, поэтому к мнению своего друга, который совершал дурацкие поступки один за другим, я не очень-то и прислушивалась.

– Так ты согласен или нет?! – предостерегая его от дальнейших выступлений, спросила я.

– У меня нет выбора, – печально ответил Мишка и принялся убирать со стола.

– Учти, у нас очень мало времени. От моего отпуска осталось всего ничего. Кроме того, у меня пропала подруга…

– Тонька?! – ахнул Мишка, всякий раз восхищенно прицокивающий языком вслед Антонине.

– Вернее, не совсем пропала, а сбежала с любовником… Но, скажу честно, что-то меня настораживает во всем этом.

Мы прошли с ним в гостиную, и я подробно рассказала о том, что узнала вчера.

Когда-то, в годы студенчества, Мишка славился своим умением делать анализ ситуации, приводя в изумление даже преподавателей своим неординарным подходом к ведению того или иного дела. И как впоследствии получалось, он почти всегда оказывался прав. Вот и теперь, внимательно выслушав мою историю, Михаил задумчиво произнес:

– Не нравится мне все это! Можно было бы, конечно, заподозрить супруга, не утруждающего себя обетом верности, но тогда при чем тут отпуск? Да к тому же скоропалительный отъезд из города? Не вяжется что-то. А этот… как его там, Алейников, он кто?

– Обычный предприниматель. Владелец маленького заводика на базе местного лесхоза. Поставляет строительным организациям пиломатериал.

– Стоп! – поднял Мишка кверху указательный палец. – Антонина ведь, кажется, работает главным инженером строительной организации? Нет ли тут связи?

– А вот этим тебе и предстоит заняться, – нацелила я ему пальчик в грудь. – Признаюсь, у меня были подозрения и на этот счет. Потом этот не известный никому любовник… В общем, Михаил, тебе есть над чем подумать. На все про все отвожу тебе две недели.

– Сколько платишь? – смущенно опустил он глаза.

– Пятьсот сразу, пятьсот после выполнения задания. Будем считать тебя незаявленным частным детективом.

Мы еще совещались примерно с час, подробно инструктируя друг друга на всякий «пожарный» случай, затем Михаил ушел.

Едва за ним закрылась дверь, как требовательно затрезвонил телефон.

– Алло… – бормотнула я. – Говорите…

Но говорить не пожелали. Несколько секунд кто-то хрипло дышал в трубку, затем в ухо мне ударила частая череда гудков. Пожав в недоумении плечами, я вернула трубку обратно и призадумалась. Кто бы это ни был, звонил он с одной-единственной целью – узнать, дома ли я. Поскольку номера моего в справочнике нет, значит, этот некто лицо мне небезызвестное. Но почему в таком случае он не пожелал со мной разговаривать? Словно желая ответить на мой вопрос, телефон зазвонил опять.

– Алло…

– Анна Михайловна? – спросил мужской голос.

– Да, а кто это?

– Это Алейников, – ответил мужчина. – Зачем вы вернулись?

– Что, простите?! – от такой наглости я едва не лишилась дара речи.

– Я спрашиваю, зачем вы вернулись?

– А это вас так волнует? – ответила я вопросом на вопрос, еле сдерживаясь, чтобы не послать его ко всем чертям.

– Представьте себе – да.

– Почему?

– Потому что вам угрожает опасность…

– Вы собираетесь меня взорвать? – как можно язвительнее предположила я. – Только хочу предупредить – моя машина четвертый месяц в ремонте. Право, не знаю, что вам предложить взамен. Дайте немного подумать…

– Анна Михайловна, милая, я прошу вас серьезно отнестись к тому, что я вам только что сказал!

Он продолжал еще что-то говорить, но я его уже не слушала. Мысли лихорадочно заметались, однако вскоре выстроились в определенной логической последовательности, и я, оборвав его красноречие, попросила:

– Тимур Альбертович, а мы не могли бы с вами встретиться?

– Когда?

– Да хоть прямо сейчас.

– Вы знаете, я на службе…

– Ничего! – поспешила я его успокоить. – Я знаю, где расположена ваша фирма, туда и подъеду.

– Н-да, – задумчиво произнес он. – Вы все обо мне знаете… Хорошо, приезжайте.

Было ли то игрой воображения или виной тому явились расшалившиеся нервы, но в голосе его мне почудилась плохо скрытая печаль.

– Вот тебе и предстоит в этом убедиться воочию, – подбодрила я себя и принялась собираться на встречу.

Поскольку погода за окном солнцем не баловала, я надела льняной брючный костюм цвета топленого молока, закрутила волосы в низкий пучок и обмотала его шелковой косынкой шоколадного цвета, в тон легким босоножкам. Остановившись перед зеркалом и окинув свое отражение критическим взглядом, я, подумав, нанесла на губы еще немного блеска.

– Вроде бы все… – задумчиво пробормотала я и взяла в руки плетеную сумку.

ГЛАВА 4

Фирма «Антарио» располагалась далеко за городом. Двухэтажное строение, включающее в себя небольшой деревоперерабатывающий завод, столовую для рабочих и помещения для служащих, было выложено из газосиликатного кирпича и выкрашено ядовитой желтой краской. Оконные проемы взирали на мир пластиковыми пакетами с тонированными стеклами, и почти в каждом из них красовался кондиционер. Однако, несмотря на это, внутри помещение выглядело ничуть не лучше, чем снаружи. Камеры слежения по углам коридора и дорогие компьютерные системы вкупе с обшарпанными стенами и ободранными поверхностями столов производили гнетущее впечатление. О чем я и не преминула сказать, едва переступила порог кабинета генерального директора.

– Может быть, мы действительно начали не с того, – хитро улыбнулся мне Алейников, вылезая из-за стола. – Но совет директоров решил марафет оставить на потом.

– Понятно, – глубокомысленно пробормотала я, хотя ровным счетом ничего не понимала в их политике. – Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– Вы каждый раз поражаете меня, Анна Михайловна, – с легким смешком качнул головой Алейников. – Это вы хотели встретиться и поговорить со мной…

– Ах, ну да, конечно! – Краска смущения слегка порозовила мои щеки. – Можно присесть?

– Прошу.

Алейников провел меня в глубь кабинета – это единственное место тут, дышащее роскошью, – и усадил в глубокое кожаное кресло, попутно доставая с нижней полки журнального стола выпивку. Я взяла в руки бокал и неожиданно для самой себя спросила:

– Скажите, Тимур Альбертович, а почему вы так самонадеянно вели себя на суде? Настолько были уверены, что уйдете оттуда без наручников?

– Абсолютно! – Он слегка отхлебнул из своего бокала. – Даже если бы вы пошли против закона и вынесли мне обвинительный приговор, я опротестовал бы его в течение десяти дней. И не потому, что считал работу следователя недостаточно выполненной. Тот парень молодец и дело свое знает, но улик, согласитесь, не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.